

Андрей Рискин

«НЕ ХОЧУ ЖИТЬ В ОХРАНЯЕМОЙ КОМНАТЕ»

Раймонд Паулс считает, что латвийское общество «закопалось» в истории

Независимая газ. — 1999 — 8 мая — с. 15

РАЙМОНД ВОЛДЕМАРОВИЧ, в России популярные люди творческих профессий, как правило, становятся «локомотивами» тех или иных движений, а после выборов уходят в тень. Вы же создали свою Новую партию. Почему? Не хотели входить в другие?

— Если честно, я вообще ничего не хотел. Мой покойный отец всегда мне советовал: «Не лезь куда не надо!» И он был прав стопроцентно. В то же время, если посмотреть на происходящие в Латвии процессы... Да, конечно, можно спокойно сидеть дома у рояля, благо, что жить есть на что, и думать, что все нормально. Но это не в моем характере.

Я не жалею, что так поступил. Хотя удар по нервной системе получил колоссальный — прошлый год для меня был очень тяжелым. Между прочим выступить в роли «локомотива» мне предлагали почти все партии. Но я всегда говорил, что самое важное не локомотив, а стрелочник. Кто этот стрелочник — пусть каждый для себя сам определяет. Но он есть и направляет состав.

— Хорошо, вы создали партию. Но чем она новее других?

— Это сложный вопрос. Но когда депутаты просто-напросто стали актерами, красующимися перед телекамерами, возникает желание собрать профессионалов, которые что-то изменят. Как это получается на практике, сказать трудно, тем не менее мы вошли в правящую коалицию и заняли определенные посты в сейме и правительстве.

— Восемь депутатов из ста — это то, на что вы и рассчитывали?

— Наши результаты были бы гораздо лучше, если бы нам не пришлось отражать мощной атаки двух центральных латышских газет — «Диены» и «Лауку авизе». К тому же на наши результаты сказался неожиданный успех так называемой «партии Рубикса». У нас в Латгалии он, как известно, фигура очень популярная, чего уж тут скрывать. Я-то думал, что там, среди русского населения, очень много моих поклонников... Тем не менее восемь мест для начинающей партии — это неплохо. Есть хорошая трибуна и есть четыре года, за которые ты можешь себя показать. Хотя не без сложностей. Первая же такая ситуация возникла в связи с вхождением в правящую коалицию.

— Вы вошли в коалицию, получив в обмен несколько постов в правительстве. Один из столпов этой самой коалиции — национал-радикальное объединение «Тевземе ун бривибай» («Отечеству и свободе»). Уютно ли вам вместе с националистами?

— Не сказал бы, что нам особенно уютно. Но в политике часто за одним столом встречаются люди очень разных взглядов. Да, для меня неприемлемы взгляды радикалов как национальных, так и красных, но... коалиция создана, и тут ничего не поделаешь. Могу сказать только, что мы стоим в центре и стараемся решать вопросы логически.

— Вы отказались выдвигать свою кандидатуру на пост президента. Это из-за того, что получили в сейме только восемь голосов (в Латвии президента выбирает парламент. — А.Р.), или по иным причинам?

— По иным. Вы знаете, сегодня в Латвии странная ситуация. Я давно такого государства не видел. Ищут президента! Ищут! Есть вроде бы кандидатура Анатолия Горбунова (бывшего секретаря ЦК КПЛ по идеологии и председателя Верховного Совета Латвии в 1991 году. — А.Р.), хотя я не знаю, выдержит ли он эту линию? Я к нему хорошо отношусь, он сыграл свою положительную роль, но... Меня выдвинул, кстати, съезд нашей партии, и только он может меня снять с должности кандидата в президенты. Но не могу я быть президентом. И не было это никогда моей мечтой. Я работал у президента Гунтиса Улманиса и знаю, что это такое. Не для меня эта работа. И главное — не хочу жить в охраняемой комнате... И потом, это должен быть человек, уважаемый не только в Латвии, но и на Востоке, и на Западе.

— И есть такой человек?

— Не вижу пока что, откровенно говоря. Разве что Янис Петерс, наш известный поэт. Он популярный человек, был послом Латвии в России, имеет хорошие личные контакты с российскими политиками, что для нас немаловажно, но и он категорически отказывается от таких почестей.

— Вам не кажется, что выбирать президента парламентом — анахронизм?

— Кажется. И убежден, что выборы должны быть всенародными. Только вряд ли это получится. Будут вспоминать историю Карла Улманиса, доказывать, что мы не можем менять традиции. Мы вообще, как мне кажется, закопались в историю. В моем понятии все это надо бы оставить ученым: пусть разбираются. У нас ведь в прошлом такие страны... И красивые латышские стрелки, и legionеры СС... Мы воевали и за тех, и за этих. Одних призывали силой, другие шли добровольно — неважно. Это история, и она именно такова.

— Но ведь переиздание в демократической Латвии, которая так стремится в Европу, антисемитской книжки «Страшный год» — это уже не история, а день сегодняшний. Как такое стало возможно?

— Я эту книгу первый раз видел то ли в 1942-м, то ли в 1943 году. Мне тогда было 7–8 лет. Нужно ли было переиздавать ее сейчас? Думаю, что нет. Хотя там фотографии эти... Пойди докажи! Говорят, что это сфальсифицировано немецкой стороной. Но в то же время мы все знаем, что такой был Сталин... И даже сегодня, что мы видим в России? Чернорубашечников Баркашова! В России, которая боролась с этим ужасом.

— Раз уж вы заговорили о России... Правда ли, что гайдаровские реформы 1991 года обошлись вам в 100 тысяч рублей, так и оставшихся на книжке?

— Да нет, я уже здесь, в Латвии, «погорел». Да и не я один. Все потеряли. И не только в банке «Балтия», о котором так много говорят. Он же не один у нас «попнул». Это все те же кошмары, что посетили как Россию, так и Восточную Европу. А сидит, кстати, только президент банка «Балтия» со своим поделщиком.

— Вы имеете контакты с нынешними российскими политиками?

— Я в свое время был в очень хороших отношениях с первым замом Шеварднадзе Анатолием Ковалевым, который сейчас, правда, уже на пенсии. Это один из крупных советских дипломатов. Что нас связывало? Он писал стихи, я к ним музыку. Благодаря этому целому я познакомился с очень многими представителями политической элиты. Помнится, он тогда сказал, что «скоро на нашей арене появится очень яркий человек». Знаете, о ком он говорил? О Горбачеве. И было это еще до перестройки. Я тогда очень хорошо был знаком с Георгием Арбатовым и — я немножко смеюсь — играл даже Юрию Андропову. Правда, сегодня я мало общаюсь с российскими политиками.

— Россия не без основания, как мне представляется, обеспокоена проблемами русской культуры в республике. Вообще русская культура в Латвии уже умерла или еще существует?

— Думаю, что существует. Мы давно уже говорили, в том числе и я, когда был министром культуры Латвии, о создании в Риге центра русской культуры. Но всегда у нас ничего не получалось. Все лопалось. И не по нашей вине. А потому, что среди русских организаций опять началась какая-то «резня». Я не вижу особой активности русских людей в этом направлении.

В то же время приезжает известный русский театр, к примеру, — у нас сейчас гастролеров очень много — иду на спектакль, смотрю: колоссальная русская публика! Цвет местной интеллигенции. То есть на спектакли ходят, и все. Больше нигде свою активность не проявляют.

— Говорят, что и вы в этом повинны, заявив в бытность свою министром культуры, что не дадите ни сантиметра на русскую культуру.

— Не было такого! Задайте этот вопрос директору Театра русской драмы Илье Цеховалу. У меня, по мнению многих, самой большой ошибкой на этом посту был конфликт с Адольфом Шапиро из русского ТЮЗа. Он и в своей книге довольно резко обо мне написал. Но когда начинаем разбираться, выясняется, что вообще нет приказа о ликвидации этого

Раймонд Паулс с женой Светланой. Фото автора

театра. Есть только приказ о реорганизации, который они не могли принять. Ну да, впрочем, дело прошлое. Только и русские актеры, и латышские мне при встрече говорят, что тогда положение дел было лучше, чем сегодня.

— И каково сегодня это положение дел?

— Раньше, когда деньги шли от Москвы, мы в год 7–8 фильмов могли снять. А сегодня мы даже на один фильм не тянем. Нет денег. И потом рынок. Надо не только нарисовать, но и продать рисунок. А многие из моих коллег к этому оказались не готовы.

— Среди последних, как я понимаю, оказалась и Вия Артмане. В России телесюжет о том, как она оказалась чуть ли не без жилья, как ее сын написал письмо в газету, где критиковал власти за бездушие в отношении некогда популярной латышской актрисы, вызвал большой резонанс... У нас сразу же сделали вывод: Вию не любят в Латвии, так как она играла в советских фильмах.

— Совершенно неверно. Это очень сложный вопрос, и тут, как говорится, палка о двух

концах. Ну как эту ситуацию объяснить? Сын пишет письмо в газету, что мать чуть ли не с голоду помирает. Сам он, кстати, здоров, пишет стихи, песни, у него неплохая машина и т.д. Я как сын так никогда бы не поступил.

В случае с Артмане выясняется, что были даны две квартиры, а предлагали выбрать вообще из полутора десятков. Оказывается, одна квартира уже продана... Нечистое это дело. С душком. Правда, хочу сказать, что в советское время Вия очень многим помогла. Она и квартиры людям, актерам особенно, выбивала. Об этом сейчас все забыли. Но что делать, ведь и в России сегодня немало талантливых людей, которые плохо живут.

— Кстати, вы следите за успехами российской эстрады?

— Довольно мало. Современная эстрада — латышская или русская — не для меня. Это уже другое поколение. Хотя в этом доме, где мы с вами беседуем, мы создали один из лучших музыкально-культурных центров Латвии. У

нас здесь прекрасная ночная дискотека, и, что любопытно, основной посетитель здесь — русский. До сих пор не пойму, почему. Ведь надо платить за вход пять латов (около 9 долл. США. — А.Р.), вполне приличные деньги.

— Маэстро ушел в политику, потому что ему уже нечего сказать в музыке?

— Пишу очень редко. Тот жанр, в котором я работал, мой золотой период 70–80-х годов, когда я активно выступал, встречался с хорошими советскими артистами и пользовался успехом, — это все в прошлом для моего удовольствия...

Вот, готовлю здесь, в «Вернисаже», программу для молодой певицы Марии Наумовой, дочери актрисы из Театра русской драмы, — кстати, программа на русском языке. Мне уже ближе роль менеджера. Все равно меня скоро, как нашего столетнего Эвалда Валтерса (красного латышского стрелка. — А.Р.), будут сажать в первом ряду президиума и умолять, чтобы много не говорил.

Сегодня моя мечта — создать в «Вернисаже» варьете. Это мой стиль, когда вечером для эксклюзивной публики — человек в джесте — выступают Жванецкий, или Юрский, или кто-то еще... У нас здесь дискотека уже работает, пано-бар действует. Следующий этап — это театр. Камерный музыкальный театр типа варьете. На очереди — выставочный зал.

— Кто финансирует строительство?

— Этим занимается фирма «Мандес». Она вложила сюда очень большие деньги. А я здесь никто. По очень интересным законам Латвии сто несчастных депутатов не имеют права нигде работать. Как ни смешно, я даже был вынужден уйти из детского ансамбля «Кукушечка». Я там получал сто латов (около 175 долл. США. — А.Р.), будучи концертмейстером. Теперь репетирую бесплатно. Смешные законы, но что делать — жизнь такая же.

Рига-Москва

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Раймонд Волдемарович Паулс родился в 1936 г. В 1959 г. окончил Рижскую консерваторию. В 1964–1971 гг. — художественный руководитель Рижского эстрадного оркестра Государственной филармонии ЛатвССР. В 1973–1978 гг. — художественный руководитель инструментального ансамбля «Модо». С 1982 г. — главный редактор музыкальных передач Латвийского радио. Автор мюзиклов, эстрадной музыки, песен, музыки к кинофильмам. Народный артист СССР (1985 г.). С 1989 по 1994 г. — министр культуры Латвийской республики. С 1994 по 1998 г. — советник президента Латвии по культуре. С 1998 г. — депутат латвийского парламента.